

Я назвалъ себя, напомнивъ 80-е годы, его
домъ, Москву.

— А, это вы, который первый начали переписывать мои сочиненія! воскликнулъ онъ, вспомнивъ меня окончательно.

— Очень радъ, очень радъ, раздѣвайтесь!

И, указывая впередъ рукою, идя сзади меня, онъ провелъ меня въ прихожую, гдѣ стоять по 2 стѣнамъ 3 большихъ желтыхъ, лакированныхъ, со стеклами шкафа, полные книгъ, и вѣшалка, полная верхнихъ одѣяній, шляпъ, фуражекъ. Далѣе идетъ комната для пріѣзжающихъ; обстановка самая простая, студенческая: столъ, диванъ, кровать, умывальникъ, два кресла, стулья, двѣ картины какого-то аллегорического содержанія на противоположныхъ стѣнахъ, шкафъ, въ которомъ за стекломъ видны два гипсовыхъ бюста Л. Н-ча, вотъ и все.

Оставшись наединѣ и скинувъ пальто, я принялъ было разматривать подробнѣе обстановку комнаты, заглянувъ въ садъ, какъ вдругъ въ нее вошелъ одинъ изъ сыновей Л. Н-а и пригласилъ меня обѣдать.

Идемъ на террасу.

Л. Н. поднимается изъ-за стола, еще разъ подаетъ мнѣ руку, представляетъ своей супругѣ и сразу всемъ гостямъ. Указываетъ мнѣ мѣсто.

Пришлось занять свободный стулъ черезъ гостью отъ него и рядомъ съ гостемъ. За столомъ сидѣло человѣкъ 15, родственники больше, и молодая чета съ Кавказа, какъ я узналъ потомъ. Продолжались начатые обычные разговоры на совре-